

ЕВГЕНИЙ
ИГНАТЕНКО

БЛАГОДАТНЫЙ ОГОНЬ

КНИГА ВТОРАЯ
СРЕТЕНИЕ

ПОВЕСТЬ

16+

Евгений Игнатенко
Благодатный огонь,
книга вторая. «Сретение»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40088684

SelfPub; 2019

Аннотация

Вторая книга «СРЕТЕНИЕ» рассказывает о встрече Григория с Церковью, которая должна стать частью его жизни и жизни его близких. Эта книга о борьбе человека с его заблуждениями в поисках истины бытия. Длинная дорога к Богу, привела Григория домой. А, где твой дом?

Содержание

Слобода Красюковская	4
Пасечники	10
Грозовые облака	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Слобода Красюковская

Слобода Красюковская ведёт свою историю с 1868 года. Именно тогда там был основан хутор Персиановский (по фамилии управляющего конезаводом атамана Платова – Персианова). Сам Персианов рассказывал, что его предок, будучи молодым казаком, попал в плен к туркам, а те продали его в семью богатого перса. У перса же была дочь, которая тяжело заболела, и надежды на её выздоровление не было. Казак был из семьи знахарей и взялся её вылечить. В знак благодарности за исцеление перс отдал свою дочь за казака и с хорошим приданым отпустил на Дон. Оттуда и пошёл род Персиановых.

Первыми жителями нового хутора были переселенцы из центральных областей России и Украины. Рядом находились лагеря, где проходили регулярные сборы казаков, находившихся в запасе. Было два лагеря – Северный и Южный. Поэтому в хуторе селились и служивые люди, которые обслуживали эти лагеря.

В начале 1918 года в хуторе был образован совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который возглавил Ф. А. Красюк. В апреле 1918 года, когда началось восстание казаков против советской власти, Красюк Ф. А. был арестован казаками, а после трагически погиб в Новочеркасской тюрьме. Осенью 1920 года, после того как советская власть уста-

новилась, было решено в память о первом председателе совета хутор Персиановский переименовать в слободу Красюковскую.

Красюковская славится образцами редких почв степной зоны. Здесь в условиях водораздела произрастает множество видов цветковых растений, большая часть которых занесена в Красную книгу России. На живописных склонах во многих местах встречаются родники с хорошей питьевой водой. В старину за высокую доходность садов берега здешних мест назывались «денежными», или «золотыми».

На ночь Павел со всеми братьями остановился у своего брата Александра Ивановича, в их отчем доме. Но прежде они выгрузили мешки с кукурузой у старшего брата Павла, Бориса Ивановича, который служит пастырем в местной церкви. Александр Иванович был очень гостеприимным. Он выложил на стол для братьев всё, что у него было в холодильнике. Григорий не ожидал такого приема и со своей стороны, желая показать свою признательность и уважение, помог после ужина убрать со стола и вымыть посуду. Также с вечера братья приготовили себе вещи для утреннего богослужения: отгладили рубашки и брюки.

Утро следующего дня было замечательным и особенно радостным для Григория, который совсем скоро должен был встретиться со своей семьёй.

Родители Григория вместе с его сестрой и племянниками приехали в Красюковскую церковь на 10 минут раньше са-

мого Григория.

Церковь в Красюковской слободе возвышается на вершине холма, так что её видно задолго до подъезда к ней. Пока машина, в которой ехали братья, поднималась на вершину, Григорий всматривался в окно, чтобы разглядеть среди людей, находившихся у церкви, свою семью. Машина остановилась, и Григорий увидел отца, державшего на руках почти годовалую Анну, племянницу Григория. Отец также всматривался в подъехавшую машину, пытаясь разглядеть сына. Григорий вышел из машины последним. Он подошёл к отцу и обнял его. Затем взял на руки маленькую Анну. Она была в красивой розовой юбке, белой кофточке и красивых бусах. Гриша поцеловал и обнял её. Несмотря на то что она не видела своего дядю Гришу, по её меркам, достаточно давно, с радостью пошла к нему на руки.

– А где мама, Саша, Миша? – дрожащим от волнения голосом спросил Гриша.

– Здесь они, здесь, – ответил отец. – Как вы доехали?

– Хорошо, ночевали у брата пастыря. А вот наш пастырь, – продолжил Григорий, указывая на Павла.

Григорий представил Павла отцу. В это время к ним подошли мама Гриши, его сестра Александра и любимый племянник Мишенька.

– Хороший у вас сын, – с тёплой улыбкой произнес Павел.

– Спасибо, – одобрительно сказала мама Гриши и протянула руку пастырю.

Павел отправился за остальными братьями в церковь. Гриша обнял маму и посмотрел на Мишу.

– Мишенька, привет, дорогой, ты так вырос, – радостно протянул Григорий.

Миша замялся около мамы, что-то бормоча.

– Миша, это я, твой дядя Гриша, – продолжал он.

Мишка начал качать головой и спрятался за своей мамой. Он либо не мог угадать своего дядю, либо не мог поверить, что его дядя стоит перед ним. Из глаз Григория покатались слёзы.

– Мишенька, родненький мой... – сквозь слёзы протянул Гриша и наклонился, чтобы обнять племянника.

Миша радостно прижался к Гришке, а затем потянул его за руку, давая понять, чтобы Гриша последовал за ним.

Григорий обнял сестру и последовал за Мишкой, который потащил его на качели, находящиеся на церковном дворе. Всё то время, пока шла служба в церкви, Гришка возился с Мишкой и общался с семьёй. Для него церковные службы стали обычным ежедневным делом, он жил при церкви. А для его родителей это очередной глоток воды живой.

Время неумолимо уходило, и настала пора прощаться. Григорий забрал сумку с вещами и сладостями, которые привезли родители для него и братьев, а им отдал флешку с фотографиями и христианской музыкой. Настроил кондиционер в машине (это была машина Григория) и включил песню:

Оставив дом, забыв Отца, ушел далёко —
Ушел в края, где счастья нет, где одиноко.
За каплю счастья променял свою свободу,
Заблудшим сыном стал влачить свои ты годы.
Вернись домой, вернись домой – уж близко к ночи.
Вернись домой, вернись домой, вернись в дом Отчий!
Вернись домой, тебя там ждут и не забыли...
Вернись, вернись, вернись домой, о сын мой!
Ты в жалких рубищах своих, обремененный,
Пасешь стада и ешь рожки – ведь ты наемный.
А вспомни годы те, что жил в отцовском доме, —
Невольно катится слеза, как вспомнишь...
Вернись домой, вернись домой – уж близко к ночи.
Вернись домой, вернись домой, вернись в дом Отчий!
Вернись домой, тебя там ждут и не забыли.
Вернись, вернись, вернись домой, о сын мой!
«Пойду домой, вернусь к Отцу – а может, вспомнит?
Паду к ногам, буду просить – а может, примет?
Хотя бы быть в числе прислуг, но рядом с домом.
Пойду домой, вернусь к Отцу родному...
Вернись домой, вернись домой – уж близко к ночи.
Вернись домой, вернись домой, вернись в дом Отчий!
Вернись домой, тебя там ждут и не забыли.
Вернись, вернись, вернись домой, о сын мой!
«Мой сын пришел, пусть знают все: он не заблудший!
Пропавший он, нашелся он, он самый лучший!
Мой дом – его, и все моё его пусть будет,
И горе жизни пусть он всё забудет...»
Вернись домой, вернись домой – уж близко к ночи.

Вернись домой, вернись домой, вернись в дом Отчий!
Вернись домой, тебя там ждут и не забыли...
Вернись, вернись, вернись домой, о сын мой!

Григорий начал обнимать своих родных и разрыдался на плече у мамы. Затем он сел в машину с семьёй, чтобы вместе помолиться. Он молился о своей семье и благодарил за неё Бога. Когда молитва закончилась словами: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа со всеми нами. Аминь», Григорий снова разрыдался. Он понимал свой долг, который должен выполнить, и рад был этой возможности. Но тоска по семье была невыносимой. Когда Гришка начал пристёгивать ремнём безопасности племянника, Миша пытался отстегнуться и плакал.

– Мой родной, я люблю тебя, мы скоро увидимся, – протянул Григорий, ещё раз обнимая и целуя племянника.

Григорий проводил семью и долго ещё всматривался в сторону, где скрылась из виду машина с его любимыми людьми, его семьёй. Оставалось три месяца, три месяца из восьми, которые посвятил Григорий Богу. Но этот день для Григория был одним из самых счастливых и радостных дней в его жизни.

Пасечники

На Свято-Николаевском хуторе смеркалось. Стояло такое жаркое лето, что, казалось, можно руками ухватить тёплый воздух. И люди, и всё живое мечтало скрыться от жары в прохладе ночи. В это время в церковный двор въехала белая машина «Нива». Братья, бродившие по церковному двору в поисках прохладного ветерка после трудового дня, со словами «пасечники приехали» в считанные секунды скрылись в братской. Они знали, чем грозит приезд гостей на «Ниве».

Пасечники живут в станице Базковской, по соседству с семьёй Борисовых. Пчёлами стали заниматься с тех пор, как у супруга пасечников Игоря начались проблемы с ногами, и он чуть не лишился их. Разведение пчел стало для их семьи не только полезным, но и выгодным делом. С возрастом же содержать большую пасеку стало тяжело, и они оставили для себя всего четыре улья. Подружившись с пастырем Павлом, они стали привозить мёд, семечку и яйца на церковный двор, а взамен пользовались услугами братьев в перевозке ульев с одного места на другое. Эти-то громоздкие сооружения и пугали братьев. Одна из причин – сами пчёлы, реакция от укусов которых бывает разной. Другая причина – тот трепет, с которым Игорь относится к своим подопечным (разумеется, пчёлам), а именно «нести тяжёлые ульи, как будто несёшь воду, чтобы не расплескать». Усложнялось это дело тем, что

нужно не просто нести. Нужно ещё поднять каждый улей на достаточную высоту, чтобы поставить в прицеп, а затем вынуть из прицепа с той же ювелирной точностью по принципу «не расплескай».

Когда во двор въехала машина пасечников, Гриша смотрел фильм «Поллианна» в братской. Внезапное появление братьев смутило его.

– Что случилось?

– Пасечники приехали, – со смехом от всеобщего бегства со двора сообщил Егор.

Да, это тот самый Егор, который, уверенный в себе, месяц назад ушёл из церкви со словами «Мне нужно работать, чтобы помогать моей 16-летней дочери. Нужно, чтобы она могла учиться». Но прошло немного времени, и эйфория от заработанных наличных денег вскружила Егору голову. Бре-дя пьяный по роще, Егор остановился у дерева передохнуть. Как вдруг из дупла появилась старушка-хохотушка. Смеясь, словно гелием надышалась, старушка-хохотушка обратилась к карликам, гулявшим на полянке:

– Эй, вы! Хотите в футбол поиграть?

– Да... да...

– Хотим.

– Мяча только нет, – забурчал один из карликов.

– Да вот же мяч, – сказала старушка, указывая на Егора, – головой его играйте.

И карлики направились в сторону Егора, который в них

узнал своих старых «друзей». Убегая от них, Егор снова вернулся в церковь.

Через полчаса в братскую спустился Гаврила, который во время приезда гостей был на кухне. Он единственный здесь не боится пасечников. Из-за проблем с пальцами рук и ног его не посылают на «пчелиное» дело. Гаврила принес новость, которая не для всех оказалась радостной:

– Пасечник приедет к 12 ночи. Пастырь сказал, что поедут Егор и Гриша.

Егор напрягся, а все остальные выдохнули. Один Григорий ещё не понимал, почему так страшно ехать к пасечникам, да и не знал, что его ждёт.

Как опытный боец, Егор начал готовиться к поездке. Вместе с Гришей они нашли две шляпы с сеткой и приготовили перчатки.

– Надень одежду, чтобы руки и ноги были закрыты, – сказал Егор.

– В прошлый раз меня укусила пчела в шею, и у меня начались судороги, – продолжал Егор, подготавливая морально Гришку.

В 12 ночи пасечник приехал за братьями. По дороге они просто, по-приятельски общались. Игорь сказал, что завтра поля будут опрыскивать пестицидами и нужно улья перевезти в другой хутор, на их дачу, за 50 км от Базковской. Он жаловался также, что день сегодня аномально жаркий для этого.

Когда они приехали в Базковскую, то в трёх ульях было тихо. Но над четвёртым жужжали пчелы, а в самом улье стоял гул от крыльев пчёл, охлаждающих его. Игорь начал обкуривать дымарём пчёл, чтобы загнать их в улик. Потом ещё минут сорок они прождали, чтобы пчёлы успокоились и их можно было перевозить. Игорь назвал эту семью пчёл самой буйной.

Егор с Гришкой начали переносить улики в два этапа. Вначале до первого забора у края дома. Затем от забора до улицы. В это время Игорь закрыл в будке здорового пса, разрывавшегося от лая, ругаясь при этом на него по матери.

Третий этап заключался в том, чтобы установить ульи в прицеп, который они заблаговременно подцепили к «Ниве». Вот здесь всё интересное и началось.

Последним был улей с «буйной» семьей. На улице, где стояла машина, было темно. Из-за плохой видимости и малой вместимости прицепа все ульи устанавливались плотно друг к другу. Четвёртый устанавливать, когда остальные уже стояли, оказалось ещё тяжелей.

В момент установки Егор с Гришкой отламывают леток (дверь в улике для пчел) о борт прицепа, и пчёлы начинают вылетать. Реакция Игоря была мгновенна. Такой мат разразился на всю улицу, которого Гришка, наверное, не слышал ещё никогда. Игорь начал снова обкуривать пчёл и заткнул отверстие, где раньше стоял леток, тряпкой. Некоторые пчёлы так и остались на улице около улья.

Егор начал осматривать Гришку и сбил одну пчелу с его спины. Две пчелы укусили Егора за ногу, которых он задавил, сбросив на землю.

– Да всё хорошо, сколько их там вылетело? – успокаивал Егор рассерженного Игоря.

– Ничего, – сказал Игорь, – вам ещё их выгружать, тогда вам мало не покажется.

У Гришки подкосились ноги от такой перспективы. За всю жизнь Гришка не испытал столько страха к пчёлам, как за эту ночь. Ехали медленно, но ехали. Выгружать улья в станице Каргинской оказалось ещё тяжелее, чем загружать в Базковской. С улицы во двор дачи был крутой спуск. Петляя между деревьями и перешагивая препятствия, нужно было ставить улики у стены дома. Егор с Григорием постарались сделать это как можно быстрее. Спустившийся вниз пасечник опять «накрыл» матом братьев за то, что они в одном месте прошли по его клубнике. На что Егор, подшучивая, шепнул Гришке:

– Надо было вообще перевернуть его улики, чтобы больше не приезжал к нам.

Теперь Григорий понимал, отчего братья так не любили эту работу.

Христу хвала за то, что день прошел!

Когда в грехах к погибели я шел,

Ища напрасно мир в краю чужом,

Господь мой спас меня – сокрыт теперь я в Нем!

С Христом я буду в небесах,
С ветвями дивных пальм в руках,
С золотым на голове венцом,
Там вечно буду петь: «Спасен Христом!»

Сомненье и боязнь Он удалил,
Он жало смерти смертью угасил,
В святой Крови меня Он убелил,
Меня, в грехах погибшего, Он возлюбил.

С Христом я буду в небесах,
С ветвями дивных пальм в руках,
С золотым на голове венцом,
Там вечно буду петь: «Спасен Христом!»

Хвала Спасителю, теперь Он мой,
Во мне Он храм создал Себе святой,
Я не страшусь: Господь всегда со мной!
Из бед спасет меня Он сильною рукой...

С Христом я буду в небесах,
С ветвями дивных пальм в руках,
С золотым на голове венцом,
Там вечно буду петь: «Спасен Христом!»

Теперь всегда, навеки я Его —
Он щит мой и охрана от всего,
Спаситель мой и крепкая скала...

Ему от всех да будет слава и хвала!

С Христом я буду в небесах,
С ветвями дивных пальм в руках,
С золотым на голове венцом,
Там вечно буду петь: «Спасен Христом!»

Грозовые облака

Шёл последний месяц лета. Жара днём была подчас невыносимой. Григорию казалось, что его кости к вечеру накаливались, как конфорка электрической плиты. Чтобы максимально эффективно работать на чермете в эти жаркие дни, братья вставали в пять утра. Григорий вставал в четыре часа ночи, чтобы приготовить завтрак. В шесть часов утра апостолы уже загружали металл в заготконторе станицы Вёшенской. Они брали с собой воду в бутылках, которую заранее клали на ночь в морозильную камеру. Постепенно вода таяла, и братья наслаждались живительной прохладой. Дождь был несколько раз, но до Свято-Николаевского хутора он не доходил. Дождь заканчивался на правом берегу Дона, в станице Базковской. Доходил только запах дождя и легкая влага от него.

Ирина, молодая женщина-прихожанка, много лет ходившая в церковь и служившая церковным бухгалтером, пришла в будний день в церковь делать бухгалтерские отчеты. Но глаза её были в слезах. Пока её годовалый малыш спал в детской, она общалась с пастырем. Её муж Фёдор Крылов, ранее живший при церкви и оставив прошлую разгульную жизнь, женился на Ирине. Через год у них родился ребёнок, малыш с большими карими глазами Илюшка. А ещё через год Фёдор вернулся ко греху. Всё началось с сигареты, потом

была бутылка пива, и так жизнь снова пошла, как поезд, под откос. Пьяницу Фёдора выперли с работы. Платить за съемную квартиру стало нечем. Перед Ириной встал вопрос: что делать дальше? Несмотря на то что Фёдор запил, она не переставала любить его и мысли о разводе не было. Поговорив с пастырем, Ирина приняла решение вернуться к матери в Чистяково.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.